

люди искусства

Актерский плацдарм

Ольга МАКАРОВА

На сцене Художественного академического театра им. Я. Райниса идет специально подготовленная для нового здания, в которое недавно переехал театр, постановка-обозрение «Всю свою жизнь». Это монтаж из фрагментов спектаклей театра за всю его историю — с момента создания двумя великими реформаторами латвийского сценического искусства Яном Райнисом и Эдуардом Смильгисом до наших дней. В представлении занята вся труппа. И в том числе, конечно, народный артист Латвийской ССР Харий Лиепинь, чья творческая судьба, да и вся жизнь, неразделима от биографии театра.

...Гамлет — Лиепинь. Скорбно-иронический, любящий и презирающий одновременно. И вдруг — аккорд, темнота. По пустой сцене бежит стройный, сухопарый человек, весь, кажется, сотканный из нервов и мускулов. Без всяких внешних приспособлений артист превратился из загадочно-саркастического датского принца в смешного, спесивого и недалекого солдафона, обер-лейтенанта из «Бравого солдата Швейка».

Так происходит чудо, имя которому — перевоплощение. С блеском демонстрирует его тонкий мастер сценической техники Харий Лиепинь.

Амплуа этого удивительного артиста определить невозможно. Потому что нет, кажется, задачи, которая была бы ему не по плечу, нет жанра, который был бы чужд его индивидуальности.

Лиепинь начал мальчиком, статистом в оперном театре. Потом — студия Смильгиса и его театр.

Бранд, Пер Гюнт, Незнаком, князь Мышкин, барон Мюнхгаузен, Мортимер, Ромео, Гамлет, Ричард III... Пьесы Ч. Айтматова и В. Розова, Р. Блаумана и А. Упита, Г. Приеде и И. Зидониса...

Пожалуй, трудно найти артиста с таким высоким «коэффициентом занятости». Но он умудряется оставаться всегда предельно точным, требовательным к себе. Он не любит критиков, которые расточают чрезмерные похвалы.

Харий Лиепинь умеет быть разным, новым, неповторимым каждый вечер, играя десятки, сотни раз одну и ту же роль. Импровизация? Да, очевидно, это и есть тот самый драгоценный дар, который позволяет истинному артисту, не прибегая к деше-

вому лицедейству, упорно, из вечера в вечер вести психологическую разведку боем.

Актер ярко эмоциональный, актер буйного, неистового темперамента, он не боится открытого проявления страстей. Но он решительный противник «педалирования», злоупотреблений доверием публики, какого бы то ни было «пережима» в стремлении вызвать аплодисменты или смех. Он убежден, что преувеличенные восторги публики портят артиста.

— С моего актерского плацдарма, — рассуждает, он, — видно, что плохого зрителя не бывает. Если ты не смог его взбудоражить, если он остался равнодушным, значит, ты проиграл бой, потерпел поражение в этот вечер. Однако строить отношения со зрителями надо осторожно. Большинство из них доверчивы, как дети, легко поддаются атаке чувств. А задача артиста — добиться, чтобы зритель постепенно, но прочно, сам, по собственной воле пришел к заветной правде. Встречаю зрителей после спектакля. Спрашиваю: «Ну, как?» Один: «Все руки себе отхлопал!» (Не радуюсь, смущен). Другой: «Знаешь, мы шли домой и всю дорогу молчали. Не могли заснуть...» (Ура! Победа!)

Хария Лиепиня очень любят зрители. На спектакли с его участием трудно попасть. Щедро, добродушно принимая его в числе других артистов этого театра во время московских гастролей и столичная публика. Но слава не кружит голову художнику, а только множит его беспокойство.

— Как важно удержаться от упоения славой! Сдержаться в мгновение наивысшего экстаза, чуть-чуть недоговорить в самую серьезную минуту! Чтобы зритель сам «доиграл», додумал, почувствовал. Как это трудно и как это важно для искусства!

Харий Лиепинь убежден, что ему дьявольски повезло в жизни. Он — ученик Смильгиса, который сделал из него не только артиста, но и человека, ибо воспитание чувств было главным в системе этого выдающегося деятеля сцены. Крепнет от работы к работе творческое единомыслие Лиепиня и с нынешним руководителем театра Арнольдом Линьнем, который не подавляет инициативу артиста, стараясь незаметно, осторожно и бережно подвести его к пониманию своего, «режиссерского видения» материала.

Повезло Лиепиню и с партнерами. Он работал с такими великолепными художниками, как Луи Шмидт, Артур Филипсон, Лилита Берзинь. Его верные товарищи по искусству — Вия Артмане, Эдуард Павул, Ольга Дреге... Партнерство — истинный дар. В той импровизационности, которой отличается талант Лиепиня, он всегда опирается на чуткого и гибкого партнера, готового подхватить, развить, приумножить новое, родившееся вдруг, внезапно, и делающее спектакль радостным событием в жизни и артистов, и зрителей.

Он сыграл много интересных ролей. Ближе всего ему Райнис. С самого раннего детства деревенский мальчишка с хутора из-под Руены любил и знал великого латвийского поэта. Играть Райниса — для него счастье.

— В пьесах Райниса, — говорит Лиепинь, — меня всегда поражают неисчерпаемая глубина характеров, широкий диапазон каждой роли, которую не выразишь одной краской.

Наверное, именно отсюда, от любви к Райнису, возникла тяга к импровизации, неприятие мертвых, затверженных решений.

Близка артисту и драматургия Ибсена. В сегодняшнем репертуаре — «Бранд» и «Пер Гюнт» (последний идет в Академическом театре оперы и балета Латвийской ССР).

Известно, как сложна, противоречива и неоднозначна драматургия Ибсена. Сколько споров было о Бранде — проповеднике и борце с его безудержным максимализмом, неистовым правдолюбием! Но Харий Лиепинь играет в Бранде прежде всего Человека. Верность высокому долгу не заглушает в нем земной любви к женщине, своего несчастного отцовства. Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. И тем живее кровь его жертвы, тем величественнее его самоотверженность. Страдающий Бранд...

И страдающий Пер Гюнт. Он у него и озорник, и повеса, жизнелюбивый пилигрим, просяк и мечтатель, безмятежно порхающий по жизни. Потрясают сцены смерти матери и финал спектакля — возвращение Пера к Сольвейг, искупление его грехов в светлой ее любви. Пер Гюнт Хария Лиепиня достигает здесь необычайной глубины страдания, мощного накала трагизма, что так прекрасно раскрывает своей музыкой великий Григ.

Психоанализ Хария Лиепиня всегда социален, его талант общественно активен. Исследуя тончайшие нюансы души человеческой, артист не замыкается в микросферу, а, наоборот, выносит каждый объект исследования на простор общественной мысли. Вот почему так достоверен, обаятелен и так значителен его военнопленный Иштван (прототип легендарного Мате Залка) в кинофильме «Золотой эшелон».

Кинематограф вообще многое дал Харию Лиепиню. Оставаясь верным сцене, он освоил специфику кино и много снимался на разных студиях страны.

Кинематограф подарил ему радость общения с большими мастерами русского советского искусства. Он снимался с Борисом Ливановым в «Кремлевских курантах» и считает это для себя большой школой. «Золотой эшелон» свел его на съемочной площадке с Василием Шукшиным.

Харий Лиепинь любит работать на телевидении. Если кино дает возможность видеть свои промахи вообще, то телевидение показывает их «крупным планом», то есть дает то, чего лишен театральный артист, особенно играющий в таком огромном театре, как новый Художественный.

...Каждый вечер выходит Харий Лиепинь на передовую линию, заново входя в жизнь своих героев, ища и сокращая путь к сердцам зрителей. Неумолимый труженик, жизнелюбец, прекрасный артист, гордость латвийской сцены, которому, как он считает, на этом свете дьявольски повезло.

РИГА.

● Народный артист Латвийской ССР Х. Лиепинь.
Фото В. Кузнецова.